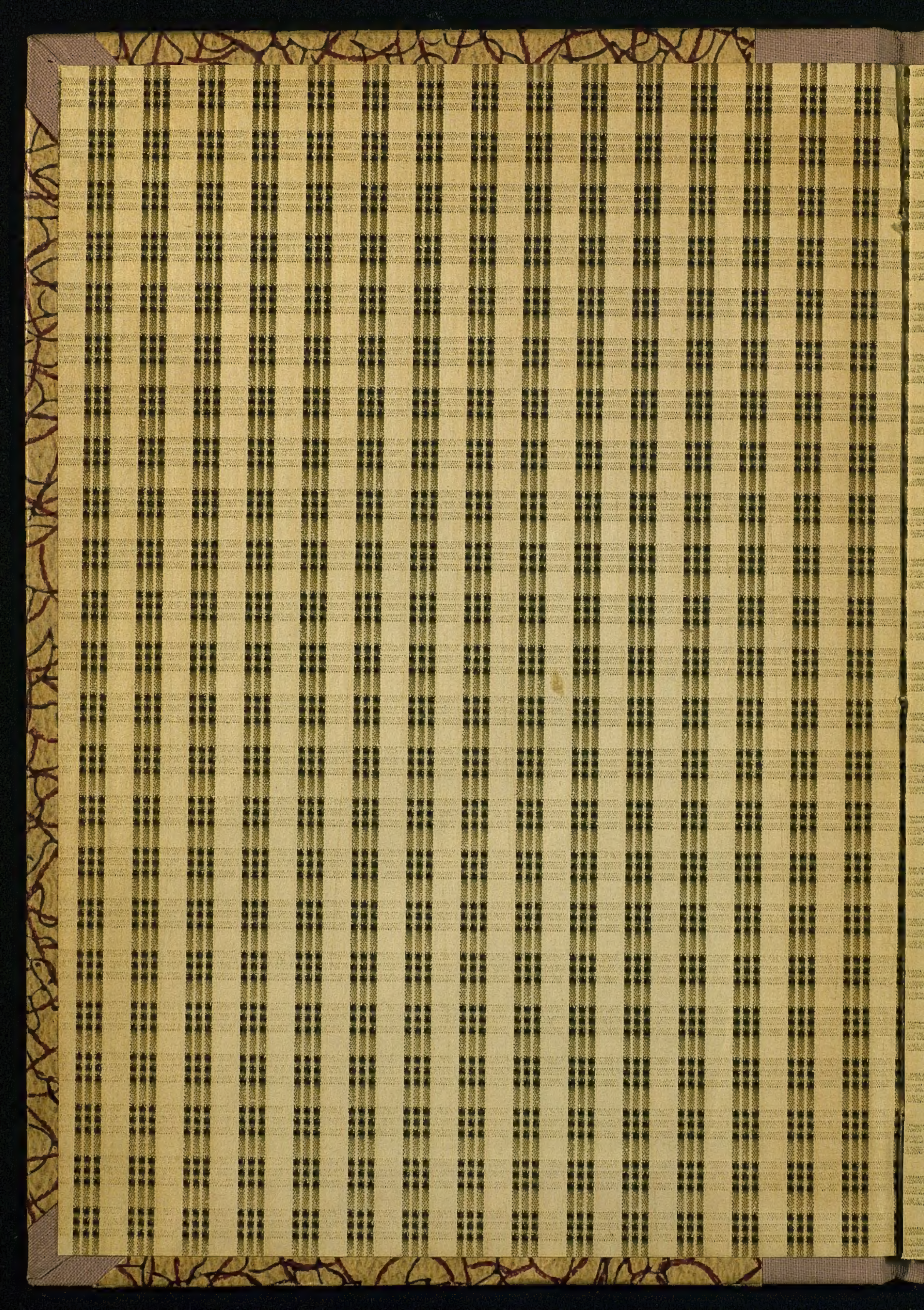
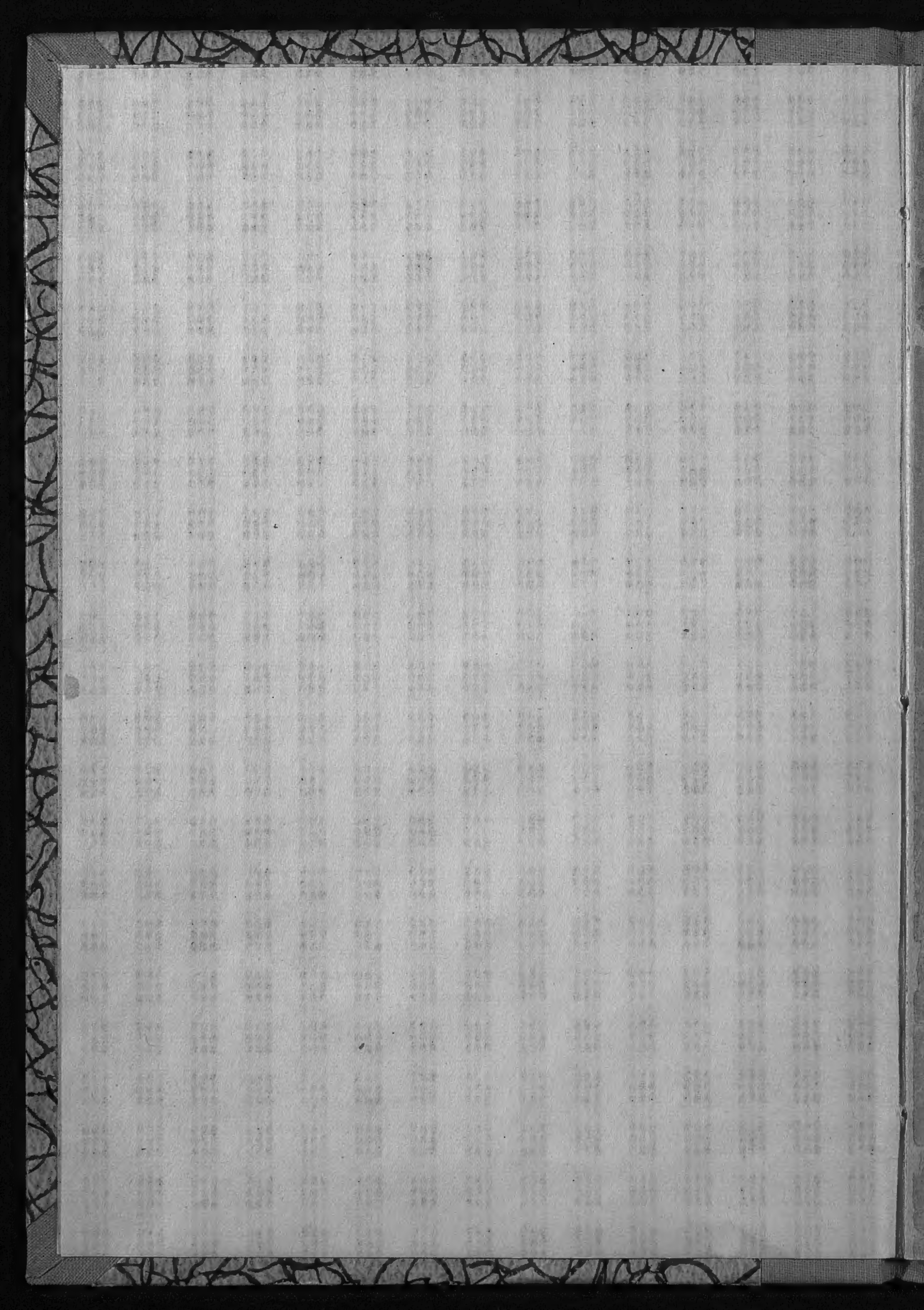

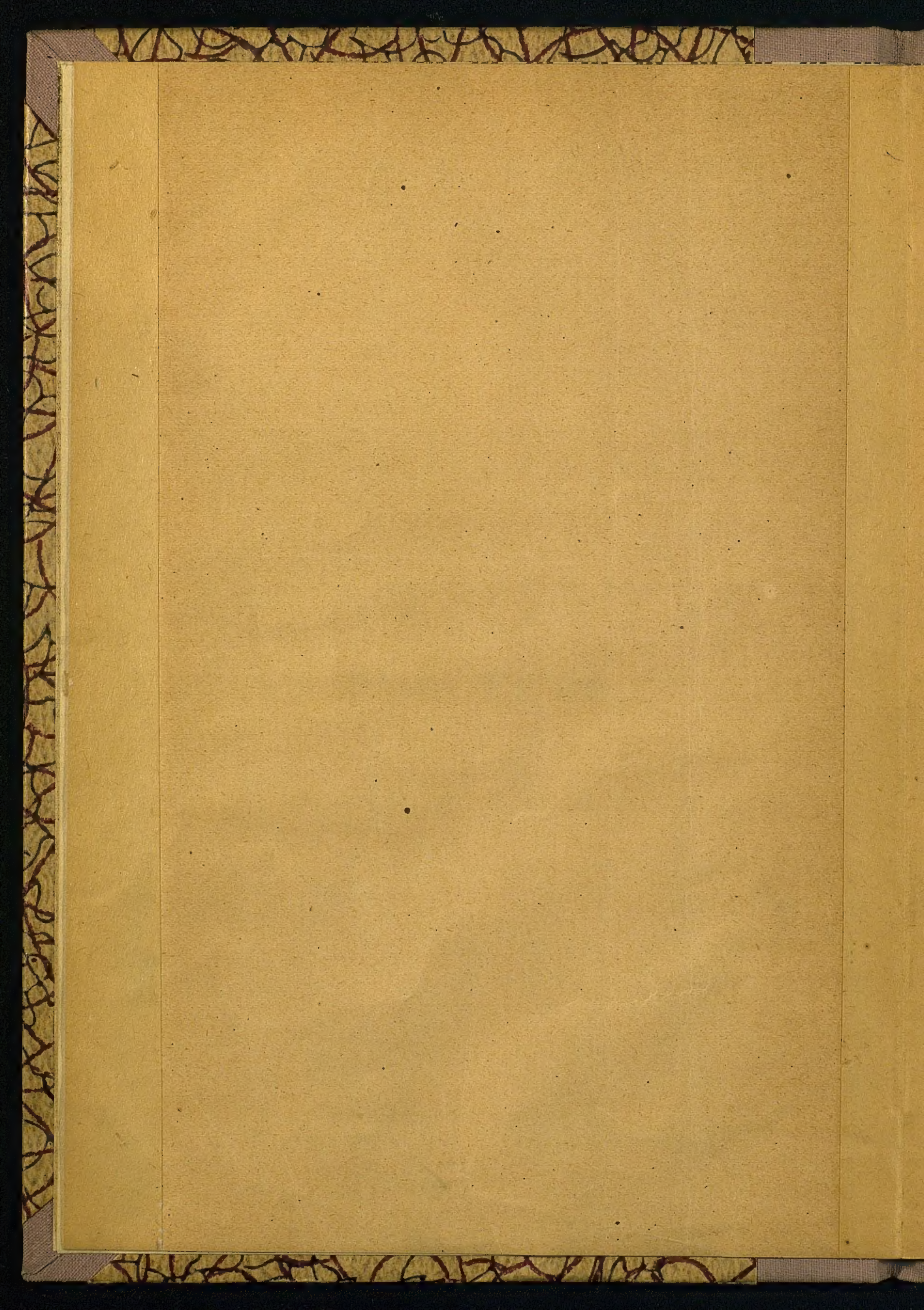

ОТЪ ГОМБУРГА
ДО
ПЕТРОГРАДА
въ 13 дней.

Графа И. В. Канкрина.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія З. Соколинскаго. Надеждинская, 33.
1914.

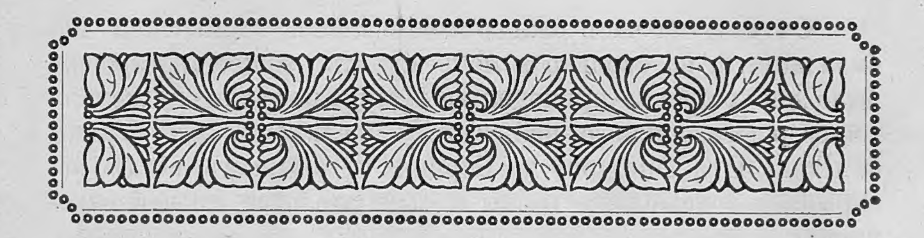

ОТЪ ГОМБУРГА ДО ПЕТРОГРАДА въ 13 дней.

Графа И. В. КАНКРИНА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія З. Соколинскаго. Надеждинская, 33.
1914.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
722924

Я выѣхалъ изъ Гомбурга 18 іюля съ больною женою, получивъ билеты прямого сообщенія до Петрограда и сдавъ багажъ тоже до Петрограда. Въ Берлинѣ нашъ поѣздъ, вмѣсто 8 ч. утра, пришелъ въ 1 часъ дня и, такимъ образомъ, мы опоздали на утренній поѣздъ въ Вержболово и волею неволею должны были остаться до вечера.

На вокзалѣ Фридрихштрассе творилось что-то невообразимое: толпы народа двигались по всѣмъ направленіямъ, въ иныхъ мѣстахъ люди стояли сплошною стѣною и не было рѣшительно никакой возможности протолкаться черезъ толпу. Съ большимъ трудомъ намъ удалось выбраться изъ вокзала.

Въ Берлинѣ мы узнали, что наше Посольство еще тамъ, слѣдовательно, не было разрыва дипломатическихъ сношеній, что поѣздъ на Вержболово отойдетъ въ 12 ч. ночи (изъ гостинницы, гдѣ мы остановились, мнѣ даже достали плацкарты на этотъ поѣздъ) и что насъ безпрепятственно довезутъ до Эйдкунена.

Разсказъ этотъ, вѣрнѣе, простое изложеніе перенесенныхъ въ Германіи злоключеній, предназначался для „Новаго Времени", но, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, не былъ напечатанъ. Уступая желанію многихъ, пережившихъ со мною нѣмецкія варварства, я издалъ этотъ разсказъ отдѣльной брошюрой.

Съ часу на часъ ожидали объявленія германской мобилизаціи и, на сколько я могъ судить, общее настроеніе было искусственно приподнятое. Нѣмцы не только не желали войны, но говорили о ней, какъ о великомъ для страны бѣдствіи. Отъ Гомбурга до Берлина я слышалъ вездѣ нескрываемое нежеланіе войны и отрицательное къ ней отношеніе.

Вечеромъ къ 6 часамъ была объявлена общая по Германіи мобилизація, которая должна была вступить въ силу со слѣдующаго дня. Я не былъ на площади у дворца Германскаго Императора, а потому не могу судить о настроеніи толпы, но могу засвидѣтельствовать, что на боковыхъ улицахъ настроеніе скорѣе было подавленное, если и раздавалось „Hoch", то эти возгласы были и рѣдки и жидки. По отношенію къ намъ, русскимъ, настроеніе было озлобленное, хотя пока еще сдержанное.

Наступалъ часъ нашего отъѣзда. Насъ предупредили о томъ, что сѣсть въ поѣздъ на Фридрихштрассе не удастся, такъ какъ толпа на вокзалѣ съ каждой минутой все увеличивалась и совѣтовали сѣсть въ Шарлотенбургѣ, гдѣ наплывъ публики былъ гораздо меньше. Мы такъ и сдѣлали: съ большимъ трудомъ достали автомобиль и, взявъ изъ гостинницы комиссіонера, поѣхали въ Шарлотенбургъ. Вокзалъ оказался окруженнымъ массою глазѣющаго народа, а внутри люди стояли плечемъ къ плечу. Нашъ Комиссіонеръ вызвалъ изъ толпы первыхъ попавшихся ему какихъ-то мужчину и женщину, передалъ имъ нашъ ручной багажъ, наговорилъ намъ кучу дерзостей, потребовалъ себѣ денегъ и скрылся. Съ неимовѣрными усиліями мы протискались на платформу и, прождавъ на ней часа полтора, какимъ-то чудомъ очутились со всѣмъ нашимъ багажомъ въ поѣздѣ, идущемъ на Вержболово.

Уже въ поѣздѣ многіе высказывали опасенія, что насъ не довезутъ до границы, что, въ лучшемъ случаѣ, насъ повезутъ обратно въ Берлинъ, что по дорогѣ гдѣ-нибудь

бросятъ на произволъ судьбы или, наконецъ, задержатъ насъ плѣнными.

Прошла ночь и 20 іюля, съ большимъ опозданіемъ, мы доѣхали до станціи Сталлупененъ (одинъ перегонъ до Эйдкунена), гдѣ намъ въ грубой формѣ приказали выходить изъ вагоновъ, предупредивъ, что дальше насъ не повезутъ. Носильщиковъ не было и тѣ нѣсколько человѣкъ низшихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, которые были на станціи, наотрѣзъ отказались помочь намъ вынести нашъ ручной багажъ и мы должны были это сдѣлать сами, несмотря на то, что громадное большинство изъ насъ состояло изъ слабыхъ, больныхъ, женщинъ и дѣтей. Первые часы нашего пребыванія на станціи ознаменовались тѣмъ, что начальникъ станціи въ невѣроятно грубой и рѣзкой формѣ нѣсколько разъ приказывалъ намъ переходить съ платформы внутрь станціи и обратно. Каждый разъ мы должны были перетаскивать наши вещи. На станціи вначалѣ можно было купить кофе, яйца, и минеральную воду, но скоро и этого не стало— все было раскуплено. Мы томились полнѣйшимъ невѣдѣніемъ о дальнѣйшей нашей участи.

Часамъ къ 4 пополудни, стало извѣстно, что ѣхавшая въ одномъ съ нами поѣздѣ Княгиня Трубецкая получила письменный пропускъ до Эйдкунена для себя лично съ двумя провожатыми (Begleiter) и что этими провожатыми должны были быть Членъ Государственной Думы В. Маклаковъ и Князь Васильчиковъ. Самъ я этого пропуска не видѣлъ, но говорю со словъ Кн. Васильчикова, который при мнѣ говорилъ объ этомъ собравшимся вокругъ него. И, дѣйствительно, Членъ Государственной думы В. Маклаковъ и Кн. Васильчиковъ ушли, въ качествѣ провожатыхъ Кн. Трубецкой. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній я не могу не упомянуть о слѣдующемъ. По пріѣздѣ въ Петроградъ я слышалъ о томъ, что моя жена и я не могли выбраться, будто-бы, изъ Сталупененъ за неимѣніемъ необходимой для найма подводы суммы денегъ золотомъ. Это безусловно не вѣрно: золото вообще уже болѣе двухъ недѣль было изъято

изъ частнаго обращенія въ Германіи и бумажныя деньги принимались всюду безъ малѣйшей задержки и по ихъ обычной стоимости. Никакой уплаты золотомъ за что-бы то ни было не требовалось и пріемъ бумажныхъ денегъ происходилъ безпрепятственно, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить то, что въ тотъ же день за подводы, возившія насъ и наши вещи въ Эйдкуненъ, я уплатилъ бумажными деньгами. Да и вообще, за все время, что мы были въ Германіи, я ни разу не испыталъ затрудненія при моихъ разсчетахъ нѣмецкими бумажными деньгами.

Говорили о томъ, что пропускъ Кн. Трубецкой былъ выданъ ей командиромъ Уланской заставы и что къ нему надо обратиться за полученіемъ таковаго. Я такъ и сдѣлалъ; пошелъ на этотъ постъ и, хотя я не могъ добиться свиданія съ командиромъ отряда, но въ концѣ концовъ получилъ устное разрѣшеніе (въ выдачѣ письменнаго пропуска мнѣ было рѣшительно отказано) всѣмъ русскимъ, имѣющимъ паспорты, проѣхать или пройти до Эйдкунена. Тутъ же мнѣ было сказано, что нѣмецкіе посты и заставы по телефону получатъ распоряженіе о безпрепятственномъ нашемъ пропускѣ. На станціи мы стали готовиться къ отъѣзду. Были наняты три подводы и на нихъ нагрузили часть вещей и помѣстились всѣ тѣ, которые, по состоянію своего здоровья не могли слѣдовать пѣшкомъ одиннадцать киллометровъ— разстояніе до Эйдкунена.

Во время нашихъ сборовъ насъ окружили солдаты и подошелъ какой-то офицеръ; онъ въ рѣзкой формѣ объявилъ намъ, что нашъ отъѣздъ въ Эйдкуненъ совершенно исключенъ (ganz ausgeschlossen) и что насъ никуда не отпустятъ. Все это говорилось при цѣломъ потокѣ угрозъ. Послѣ этого офицеръ ушелъ, но не прошло и пяти минутъ, какъ онъ снова вернулся, объявивъ намъ, что мы, русскіе имѣющіе паспорты, можемъ по желанію или ѣхать или идти пѣшкомъ въ Эйдкуненъ, но что онъ совѣтуетъ намъ молчать и не говорить въ Россіи о томъ, что мы видѣли въ Сталупененъ. Для по-

слѣдней фразы имъ было употреблено выраженіе: „Ich rathe Euch die Mäuler zu halten“. По нѣмецки „Maul“ — ротъ у животныхъ; вся-же его фраза означаетъ въ переводѣ: „Совѣтую вамъ придерживать пасть“. Послѣ этого любезнаго напутствія мы тронулись въ путь и солдаты, обступившіе насъ, съ улыбками желали намъ благополучнаго возвращенія на родину и т. д... Обстоятельство это меня тогда-же удивило и заставило призадуматься: я плохо вѣрилъ нѣмецкой искренности.

Между тѣмъ оказалось, что партія слѣдовавшая пѣшкомъ, выступила много раньше насъ. Мы ѣхали мелкою рысцою и, дѣйствительно, всѣ нѣмецкія заставы, насъ пропустили. По дорогѣ мы обгоняли ушедшихъ пѣшкомъ и это была, по истинѣ, удручающая картина. Шли вразбродъ, кто какъ могъ, таща на себѣ чемоданы и дорожныя вещи. Люди, въ полномъ смыслѣ слова, изнемогали. Встрѣчались женщины, которыхъ съ трудомъ волокли двое мужчинъ подъ руки; встрѣчались старики и слабосильные, едва передвигавшіе ноги. Трудно забыть эту ужасную картину... И вотъ, когда мы подошли почти уже къ самому Эйдкунену, насъ догналъ на велосипедѣ солдатъ и передалъ приказаніе, чтобы мы немедленно возвращались назадъ подъ угрозою разстрѣла. Откуда ни возьмись, тутъ-же оказалась вооруженная стража, которая сейчасъ-же насъ окружила. Съ этой минуты мы были арестованы. Когда я вспоминаю обо всемъ происшедшемъ, я прихожу къ убѣжденію, что все это дѣлалось ради глумленія надъ нами и дѣйствительно, офицеръ который сперва даже исключаетъ всякую возможность пропуска насъ въ Эйдкуненъ, не болѣе какъ черезъ 5 минутъ отпускаетъ насъ, солдаты намъ желаютъ счастливой дороги и благополучнаго возвращенія на родину, всѣ нѣмецкіе посты и заставы насъ пропускаютъ, большинство изъ нашей партіи проходитъ пѣшкомъ одиннадцать километровъ, таща на себѣ всѣ свои вещи, и все это для того, чтобы остановить насъ почти при въѣздѣ въ Эйдкуненъ и вернуть обратно. Развѣ это не глумленіе, не издѣвательство? Развѣ это не проявленіе глубокаго вандализма? Вѣдь все это про-

дѣлывалось съ больными, слабыми людьми, женщинами и дѣтьми!...

Было уже совсѣмъ темно, когда мы подъ сильнымъ конвоемъ вернулись въ Сталупененъ, гдѣ насъ размѣстили въ двухъ гостинницахъ. Къ дверямъ былъ приставленъ караулъ и насъ всѣхъ никуда не выпускали. Ночь мы провели, сравнительно, хорошо. Утромъ, 21-го іюля наше положеніе вполнѣ опредѣлилось. Мы содержались подъ строгимъ арестомъ, насъ не только никуда не выпускали, но строго запретили смотрѣть въ окна и выходить на веранду гостинницы. Однако изъ внутреннихъ оконъ видна была вся городская площадь и мы невольно присматривались къ движенію войскъ и выселенію жителей изъ города. Обѣдали мы всѣ вмѣстѣ въ двѣ очереди.

Въ три часа намъ объявили, чтобы мы немедленно готовились идти на станцію, откуда насъ повезутъ въ Кенигсбергъ. Насъ всѣхъ построили во дворѣ гостинницы и подъ сильнымъ конвоемъ повели на станцію, гдѣ спѣшно посадили въ вагоны IV класса, нагрузивъ туда-же и наши вещи. Чтобы судить о томъ, до какой степени намъ приходилось трудно въ этихъ клѣтушкахъ-вагонахъ, достаточно сказать, что на каждые полвагона IV класса полагалось, согласно тутъ-же висѣвшему объявленію, девять мѣстъ сидячихъ (лавки вокругъ стѣнъ вагоновъ) и одиннадцать стоячихъ— всего двадцать мѣстъ, а насъ было втиснуто двадцать восемь человѣкъ, кромѣ конвоирующаго насъ солдата. Помимо того, наши вещи были разбросаны по всему вагону и занимали не мало мѣста. Я сидѣлъ у открытаго окна и съ трудомъ дышалъ, до того воздухъ въ вагонѣ былъ спертъ и удушливъ. Конвоирующій насъ солдатъ былъ невѣроятно грубъ и безсмысленно жестокъ. Моя жена, которая, по свойству своей болѣзни, совершенно не въ состояніи долго сидѣть на одномъ мѣстѣ и вынуждена часто вставать, мѣнять положеніе тѣла и становиться на ноги,—была грубо задѣта солдатомъ, который крикнулъ ей: „Sie können sitzen und werden sitzen“ (Вы можете сидѣть и будете сидѣть) и тутъ-же сталъ къ ней вплотную такъ, что она не могла

двинуться. Въ вагонѣ и безъ того не хватало воздуха, а тутъ вдругъ онъ закурилъ невѣроятно вонючую сигару. На станціяхъ насъ не выпускали и мы ничего не могли купить. Въ такомъ положеніи мы ѣхали до 11 часовъ вечера, когда, наконецъ, пріѣхали въ Кенигсбергъ.

Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда увидѣлъ количество солдатъ, предназначенныхъ для нашего конвоя: это была цѣлая часть, двѣ шеренги солдатъ, которые тутъ-же, на нашихъ глазахъ, надѣли штыки и зарядили ружья. На вокзалѣ было много посторонней публики, относившейся къ намъ далеко не дружелюбно, но во всѣхъ замѣчаніяхъ, колкостяхъ и дерзостяхъ слышенъ былъ одинъ общій голосъ—нескрываемое нежеланіе войны и страхъ передъ ней, обвиненіе насъ русскихъ, въ кровожадности и т. д.

Нѣмецкая пресса, ничѣмъ не стѣсняясь, подборомъ самыхъ лживыхъ и невѣроятныхъ свѣдѣній въ теченіе послѣдняго времени старалась вселить въ нѣмцахъ убѣжденіе о томъ, что войну затѣяла Россія и она одна во всемъ виновата. Въ Кенигсбергѣ я вынесъ то-же впечатлѣніе, что и въ Гомбургѣ, въ Берлинѣ и потомъ, рѣшительно вездѣ, гдѣ я былъ, вплоть до Штральзунда—это нескрываемое отвращеніе къ войнѣ со стороны нѣмецкаго народа.

Офицеръ, который завѣдывалъ пріемомъ нашей партіи, объявилъ намъ, что насъ поведутъ въ какой-то старый замокъ вѣроятно, тюрьму. Этотъ офицеръ былъ вѣжливъ, корректенъ въ обращеніи съ нами, выслушивалъ заявленія нѣкоторыхъ изъ насъ о невозможности слѣдовать пѣшкомъ, дѣлалъ распоряженія о наймѣ извозчиковъ и т. п., однимъ словомъ, проявлялъ человѣческія чувства и должно быть, именно по этому онъ вдругъ исчезъ и былъ замѣненъ другимъ, грубымъ и рѣзкимъ.

Черезъ часъ насъ перевели на другую платформу, на которой мы простояли до поздней ночи. Усталые, голодные и изнуренные предшествующей поѣздкой, въ вагонахъ IV класса, при тяжелыхъ условіяхъ нашей нагрузки, мы должны были часами стоять, изрѣдка присаживаясь на наши чемо-

даны. Поздно ночью подали поѣздъ, состоящій изъ вагоновъ III и IV классовъ и насъ въ буквальномъ смыслѣ слова впихнули въ вагоны; заперевъ ихъ на ключъ и приставивъ усиленный конвой. Я былъ разлученъ съ женою: она, какъ я потомъ узналъ, сидѣла съ партіей рабочихъ, которые были арестованы гдѣ-то на сельскохозяйственныхъ работахъ, а мнѣ, пришлось сидѣть въ вагонѣ до того набитомъ, что я даже не могъ шевельнуться. Просидѣлъ я такимъ образомъ до разсвѣта, когда подъ утро женѣ удалось самой перейти въ болѣе свободный вагонъ и меня перевести туда-же. Въ это время, выглянувъ изъ окна, я увидѣлъ стоящаго невдалекѣ отъ нашего вагона и страшно шатающагося Генерала Барона Каульбарса. Его лицо, затылокъ и голова были покрыты темно красными пятнами, ноги его подкашивались и производили какія-то непроизвольныя движенія, наконецъ, онъ въ изнеможеніи упалъ на подножку вагона. Потомъ уже онъ мнѣ разсказалъ, что отъ духоты въ вагонѣ и отсутствія въ немъ воздуха, онъ почувствовалъ себя дурно и просилъ выпустить его на платформу; ему въ этомъ было отказано. Чувствуя себя все хуже и хуже, сознавая, что дальше ему не выдержать этой пытки, онъ настойчиво просилъ, чтобы его выпустили. Тогда ему стали угрожать разстрѣломъ. Доведенный до полнаго изнеможенія и чувствуя, что оставаться въ вагонѣ для него равносильно медленной агоніи, онъ высунулся изъ окна, крикнувъ солдатамъ „Такъ разстрѣливайте меня“, — только тогда его выпустили на платформу. Случайно находившійся въ одномъ вагонѣ съ Барономъ Каульбарсомъ, докторъ говорилъ, что состояніе его было на столько опасно, что онъ не ручался за полчаса его жизни. Дочь Барона разсказывала потомъ, что, когда ея отцу стало такъ плохо, она умоляла его выпустить, говоря, что въ противномъ случаѣ онъ умретъ, и ей отвѣтили „Lass ihn sterben“. (Пусть умретъ).

Напиханные въ вагоны, безъ воздуха, лишенные движенія, безъ ѣды и воды, мы простояли до 10 часовъ утра, когда, наконецъ, мы двинулись въ Браунсбергъ. Намъ было приказано, все подъ той-же угрозой немедленнаго разстрѣла,

во время хода поѣзда держать всѣ окна наглухо закрытыми и для большей безопасности (вѣрнѣе жестокости) двери уборной были заперты на ключъ. День былъ очень жаркій; въ вагонѣ и безъ того не хватало воздуха, и ѣхать при такихъ условіяхъ съ закрытыми окнами было пыткой. На станціяхъ мы стояли очень короткое время и намъ разрѣшалось во время остановки поѣзда опускать окна. Не будь этого никто бы изъ насъ не выдержалъ этого, по истинѣ, невыносимаго мученія.

Въ 5 часовъ дня 22 іюля мы пріѣхали на станцію Браунсбергъ. Насъ довольно долго не выпускали изъ вагоновъ и это дало намъ возможность купить у мѣстныхъ жителей (почти однѣ только женщины) молока, хлѣба и масла. Вѣдь мы 30 часовъ ничего не ѣли. Наконецъ насъ выпустили изъ вагоновъ, приказавъ строиться по пяти человѣкъ въ рядъ, нести самимъ наши вещи и слѣдовать въ городъ въ предназначенное намъ помѣщеніе, которое отстояло отъ станціи желѣзной дороги верстахъ въ полутора. На мое заявленіе о томъ, что между нами находится больной порокомъ сердца (г. Колесниковъ) и что ни онъ, ни моя жена, ни я, при всемъ желаніи, не можемъ слѣдовать пѣшкомъ, какой-то нѣмецъ въ статскомъ платьѣ какъ потомъ оказалось, полицейскій чиновникъ, яростно схватилъ меня за руку и, несмотря на мою больную ногу, въ буквальномъ смыслѣ слова, поволокъ меня за собою. При видѣ этой дикой вспышки тевтонской злобы, жена упала въ обморокъ. Мой истязатель испугался, оставилъ насъ въ покоѣ и скрылся. Было рѣшено предоставить подводу женѣ, тремъ дамамъ, Колесникову и мнѣ. Пока разыскивалась для насъ подвода, вся наша партія ушла и мы остались на платформѣ подъ надзоромъ двухъ солдатъ и двухъ санитаровъ. Сперва, съ присущею всѣмъ нѣмцамъ безтактностью, эти люди и подошедшіе къ нимъ любопытные закидали меня всевозможнымъ лганьемъ про Россію, нашего Государя, про насъ, русскихъ, высказывая при этомъ разнаго рода политическія соображенія. Я сразу заявилъ всѣмъ мѣстнымъ ораторамъ, что если они патріоты, то и я, не менѣе ихъ, такой-же и прошу разъ навсегда избавить меня отъ вы-

слушиванія непріятныхъ и обидныхъ для меня разговоровъ. Это подѣйствовало и меня болѣе не задѣвали подобными разговорами.

Прямо передъ нами разстилались поля Браунсберга; хлѣбъ почти весь былъ снятъ и частью лежалъ въ снопахъ и копнахъ, частью въ покосахъ. Было очевидно, что некому убирать полей. На самомъ дѣлѣ, съ нашимъ приходомъ Браунсбергцы разсчитывали на то что среди насъ они найдутъ работниковъ; объ этомъ они говорили неоднократно.

Начиная отъ Гомбурга и его окрестностей, по Рейну и всюду, гдѣ мнѣ приходилось проѣзжать по Германіи, вездѣ я видѣлъ великолѣпный урожай. Рожь чудесная, съ большимъ тяжелымъ колосомъ, озимая пшеница на видъ пудовъ на 180—200 съ десятины, и только одинъ овесъ въ рейнскихъ провинціяхъ былъ сорный и жидковатый. Весь этотъ прекрасный урожай, въ силу полнаго отсутствія рабочихъ рукъ, долженъ былъ остаться неубраннымъ. Еще разъ съ очевидностью выяснилось, что нѣмцы съ ужасомъ смотрятъ на предстоящую войну, чутьемъ и своимъ короткимъ нѣмецкимъ умомъ чувствуютъ ея послѣдствія для Германіи и относятся къ ней, повторяю, съ нескрываемымъ отвращеніемъ и, мнѣ думается, даже со страхомъ. Въ Браунсбергѣ, я болѣе чѣмъ гдѣ либо, убѣдился въ томъ, что нѣмецкій солдатъ пойдетъ въ бой безъ малѣйшаго воодушевленія.

Наконецъ мы дождались обѣщанной подводы. Это была маленькая одноконная повозка, въ передней части которой было приспособлено сидѣніе для двоихъ. Въ Малороссіи подобныя сидѣнія на повозкахъ (бричкахъ) называются колысками. Въ повозку свалили наши вещи и въ нее сѣли моя жена и одна изъ дамъ, не помню кто именно. Остальныя дамы, г. Колесниковъ и я должны были идти пѣшкомъ.

До нашего прихода въ Браунсбергъ былъ пущенъ слухъ о томъ, что 800 казаковъ взято въ плѣнъ и что часть ихъ приведутъ и поставятъ на сельско-хозяйственныя работы въ Браунсбергѣ. Каково-же должно было быть разочарованіе

мѣстныхъ жителей, когда, вмѣсто ожидаемыхъ казаковъ, они увидѣли партію человѣкъ въ 200 больныхъ и слабосильныхъ людей, женщинъ и дѣтей...

Дорога со станціи до нашего помѣщенія была довольно утомительная, она все время шла въ гору. Въ довершеніе всего въ половинѣ пути пошелъ дождь. Оказалось, что намъ отвели большое зданіе трехъэтажной школы съ большимъ дворомъ, окруженнымъ желѣзной рѣшеткой. Часть партъ мы вынесли въ корридоръ, а остальную въ классахъ сдвинули вмѣстѣ; намъ принесли соломы и мы размѣстились, безъ различія пола лежа на полу одинъ возлѣ другого. Вечеромъ удалось купить у жены школьнаго служителя немного кофе и хлѣба. Мы всѣ были до нельзя голодны и набрасывались на всякую ѣду. Стража въ большомъ числѣ и подъ ружьемъ расхаживала по двору, а у воротъ на часахъ стояло по четыре солдата.

Было уже довольно поздно, когда пришелъ полицейскій, сказавъ, что Генералъ Адъютантъ Германскаго Императора Донна фонъ-Шлобитенъ, еще недавно состоящій при Особѣ нашего Государя, а теперь жившій въ своемъ имѣніи близъ Браунсберга, велѣлъ оказать Графинѣ К. возможное содѣйствіе. Это содѣйствіе выразилось на первыхъ порахъ въ томъ, что моей женѣ выдали нѣсколько большее количество соломы. Ночь мы провели хорошо, спали мертвымъ сномъ, но поднялись всѣ чрезвычайно рано. Чтобы хотя сколько нибудь освѣжиться и умыться, приходилось становиться въ хвостъ и ждать своей очереди, такъ какъ въ каждомъ корридорѣ имѣлось только по одному крану для воды, а насъ вѣдь пришло около 200 человѣкъ. (На слѣдующій день прибавилась еще одна партія, такъ что, когда мы выходили изъ Браунсберга, насъ было свыше 300 человѣкъ). Приставленный къ намъ полицейскій принималъ заказы на обѣдъ и привелъ къ намъ во дворъ какихъ-то женщинъ, которыя брались, каждая въ отдѣльности, поставить столько-то обѣдовъ. Обѣды были въ одну марку и двѣ, деньги уплачивались впередъ.

Все утро мы провели въ обсужденіи нашего положенія и рѣшили, что моя жена въ письмѣ къ Генералу Донна фонъ-Шлобитенъ поблагодаритъ его за оказанное ей наканунѣ участіе и воспользуется тамъ, чтобы изложить ему наше всѣхъ тяжелое положеніе.

Письмо было передано незапечатаннымъ завѣдывающему нами офицеру для немедленной отсылки по принадлежности, оно было отослано и, внѣ всякаго сомнѣнія, оказало извѣстное вліяніе въ томъ, что съ нами стали обращаться немного человѣчнѣе. Кстати, я не могу не упомянуть объ этомъ офицерѣ. Звали его, если я не ошибаюсь, фонъ-Паулицъ. Это былъ человѣкъ очень воспитанный, повидимому, изъ хорошей семьи, вѣжливый и безупречно корректный въ своемъ обращеніи. Строго исполняя свой долгъ, онъ однако дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы хотя чѣмъ нибудь облегчить наше положеніе. Мы всѣ сохранили о немъ добрую память.

Во дворѣ нашей временной тюрьмы былъ настоящій базаръ. Появились торговцы, продавалось молоко, кофе, какао, хлѣбъ, масло, буттерброды, минеральная вода, пиво, даже бѣлье и аптекарскіе товары и т. д. Въ одинъ мигъ все съѣдобное было распродано, многіе покупали бѣлье и разныя необходимыя вещи.

Съ половины дня насъ поодиночкѣ стали подробно и поименно переписывать и свѣрять эти записи съ нашими паспортами. Записывались даже годъ, день и мѣсто рожденія. Кому и для чего понадобились эти подробности я до сихъ поръ не могу понять. Все это продолжалось до вечера, и подъ конецъ всѣ записи были провѣрены, пропускомъ насъ справа по одному, съ паспортомъ въ рукахъ.

Носились упорные слухи о нашемъ уходѣ на слѣдующій день; было сдѣлано даже распоряженіе о томъ, чтобы мы утромъ были готовы возможно раньше.

24-го іюля мы встали очень рано, кое-какъ умылись, спѣшно напились кофе и были готовы. До 10 часовъ утра четыре раза отдавались и отмѣнялись приказанія о нашемъ

выступленіи. То мы немедленно должны были слѣдовать на станцію для отправки въ Кенигсбергъ, то это распоряженіе отмѣнялось, то мы немедленно отправлялись въ Штетинъ, а черезъ нѣсколько минутъ и это распоряженіе отмѣнялось. Наконецъ, въ 10 ч. намъ объявили, что до вечера мы никуда не двинемся. Я хорошо понималъ, что отправка насъ въ Кенигсбергъ — одна лишь выдумка. Кто-же станетъ возить въ крѣпость и отягощать ее партіей въ 300 человѣкъ больныхъ и слабыхъ людей. Очевидно, что это дѣлалось или съ цѣлью скрыть отъ насъ мѣсто нашего назначенія, или для вящаго устрашенія, такъ какъ все время намъ твердили, что плѣнные, попавшіе въ Кенигсбергъ, разстрѣливаются.

Повѣривъ тому, что до вечера мы никуда не тронемся, многіе изъ насъ заказали обѣдъ, какъ вдругъ намъ объявили, что мы должны выступить немедленно и что насъ повезутъ въ Штетинъ. На этотъ разъ во дворѣ построили только тѣхъ, которые могли идти пѣшкомъ, а остальныхъ отвезли на станцію.

Тамъ насъ посадили въ вагоны III класса, правда довольно тѣсно, но безъ грозныхъ окликовъ. Большинство вещей было сложено въ отдѣльномъ багажномъ вагонѣ и насъ предупредили о томъ, что до Штетина мы проѣдемъ не менѣе 24—26 часовъ. Дѣйствительно, мы пріѣхали въ Штетинъ 25 іюля въ 4 ч. пополудни. Эти сутки прошли болѣе или менѣе сносно. Нашъ поѣздъ шелъ довольно скоро, но приходилось ждать на станціяхъ, особенно на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Съ ѣдою было очень трудно, и не потому, что намъ запрещалось покупать при остановкахъ, но потому, что мы останавливались такъ далеко отъ вокзаловъ, что было невозможно что-либо купить.

Нашъ конвой долженъ былъ смѣниться въ Штетинѣ, и вотъ на одной изъ станцій одинъ изъ конвойныхъ солдатъ обошелъ всѣ вагоны, взимая съ каждаго изъ насъ по 10 пфенинговъ, что въ общемъ составляло болѣе 30 марокъ. Деньги эти собирались въ пользу конвоя. Истязать и му-

чить людей, и съ нихъ-же взимать за это плату—на такую выдумку способенъ только нѣмецъ!...

Мы знали, что насъ везутъ въ Штетинъ, но не знали, что будетъ съ нами дальше. Въ Штетинѣ мы простояли не болѣе получаса; изъ вагоновъ насъ не выпускали и мы объ этомъ не сожалѣли, такъ какъ настроеніе публики на вокзалѣ, а ея было не мало, было повышенное и озлобленное противъ русскихъ.

Насъ повезли дальше, куда — мы не знали, и только черезъ нѣкоторое время, по названію станцій и справившись съ картой, догадались, что насъ везутъ въ Штральзундъ. Поздно вечеромъ, уже совсѣмъ стемнѣло, мы пріѣхали въ Штральзундъ гдѣ насъ встрѣтилъ Маіоръ, Лейтенантъ и большой вооруженный конвой. Для слабыхъ и больныхъ были приготовлены пять закрытыхъ ландо (за нашъ счетъ), остальные должны были идти пѣшкомъ. На мою просьбу доставить намъ нашъ ручной багажъ, который былъ сложенъ въ товарномъ вагонѣ, Маіоръ мнѣ отвѣтилъ, что этого онъ не можетъ мнѣ обѣщать на сегодня вечеромъ, но что завтра утромъ намъ непремѣнно доставятъ его. Мы размѣстились въ экипажахъ и намъ было сказано, что насъ повезутъ въ лучшую гостинницу, гдѣ все уже приготовлено. Мы довольно долго стояли пока выстраивалась пѣшая партія и, наконецъ, поѣхали. Проѣхавъ весь городъ, насъ подвезли къ парому, на которомъ куда-то переправили, какъ оказалось потомъ на островъ Борнгольмъ, потомъ въ полной темнотѣ везли какимъ-то лѣсомъ и, наконецъ, остановились у длиннѣйшихъ сараевъ, похожихъ на конюшни. Оказалось, что, вмѣсто первоклассной гостинницы, насъ помѣстятъ въ сараяхъ. Ощупью и съ помощью солдатъ, мы вошли въ свое новое помѣщеніе, которое состояло изъ очень длинныхъ трехъ параллельныхъ отдѣленій съ воротами для каждаго (одно изъ отдѣленій уже было занято пришедшей раньше насъ партіей). Солома была постлана на землѣ и мы должны были лечь головами къ стѣнѣ, а ногами внутрь сарая. Въ виду того, что насъ было уже болѣе 300 человѣкъ, лежать приходилось очень тѣсно, одинъ къ другому совершенно

вплотную. Ужина намъ не приготовили и нигдѣ ничего нельзя было купить. Осмотрѣвшись, оказалось, что противъ нашего сарая стояла большая казарма для солдатъ и три отдѣленія сарая, въ которомъ мы находились, были воинскія конюшни. Мы легли голодные и усталые и заснули тяжелымъ и неспокойнымъ сномъ. На слѣдующій день 26-го іюля мы встали очень рано, наскоро умылись посреди двора у колодца и узнали, что въ концѣ казармы имѣется солдатская лавочка, гдѣ можно купить кофе, хлѣбъ и колбасу.

Стоянка въ Борнгольмѣ была чрезвычайно тяжела и я приписываю только чуду и Божію Милосердію, что мы легко и бодро перенесли убійственныя антигигіеническія и антисанитарныя условія, въ которыхъ намъ приходилось жить. Вѣдь шесть дней мы не мылись, не мѣняли бѣлья, спали на полу и на землѣ, голодали, изрѣдка ѣли что попало, изнемогали отъ отсутствія воздуха и жажды, а между тѣмъ, среди насъ были тяжело больные, слабые, старики, старухи, беременныя женщины и дѣти—и всѣ поразительно стойко переносили тяжелыя условія нашего плѣненія. Не было ни слезъ, ни стоновъ, ни жалобъ, ни сѣтованій, а, напротивъ того, смѣялись, шутили и поддерживали другъ друга.

Днемъ намъ роздали супъ изъ свинины и продавали желающимъ молоко. Маіоръ и его помощникъ приходили по очереди два-три раза за день, увѣряя насъ, что ожидается пароходъ для переправы насъ въ Швецію и что мы пойдемъ отсюда не позднѣе завтрашняго дня. Про вещи онъ говорилъ, что онѣ на станціи и что въ виду нашего скораго отправленія отсюда не стоило ихъ перевозить и что мы ихъ получимъ на станціи въ Штральзундѣ. Вечеромъ намъ роздали горохъ на салѣ, легли спать рано и 27-го іюля встали чуть свѣтъ. Въ 5 часовъ утра намъ объявили, что мы немедленно отправляемся и, на самомъ дѣлѣ, за нами—инвалидами пріѣхали извозчики, которые и отвезли насъ на станцію, (конечно за нашъ счетъ). На станціи насъ размѣстили по вагонамъ и Маіоръ, подъ честнымъ словомъ, увѣрялъ меня, что наши вещи здѣсь и пойдутъ съ нами. Кон-

вой значительно уменьшился и мы пользовались сравнительно свободой. Поѣздъ тронулся и мы поѣхали, переправились поѣздомъ на паромѣ на островъ Рюгенъ и доѣхали до Сасницы, гдѣ насъ освободили изъ подъ ареста и мы вошли на пристань свободными людьми. Маленькая пристань съ трудомъ вмѣщала всѣхъ насъ и мы на ней ютились какъ попало, съѣдая въ буфетѣ все, что имѣлось. Тутъ мы узнали, что вещи наши гдѣ-то застряли и съ нами не пришли; и все, что говорилъ Маіоръ и его помощникъ, была чистѣйшей ложью *). Пароходъ пришелъ только къ 5 часамъ съ большою партіей нѣмцевъ возвращающихся изъ Россіи въ Германію. Они выглядѣли сытыми, здоровыми, хорошо одѣтыми, не намъ чета, намъ, имѣвшимъ весьма потасканный, грязный и плачевный видъ. Высадили нѣмцевъ и приступили къ нашей посадкѣ. Такъ какъ ни жена, ни я не могли ходить въ толпѣ и избѣгали давки, то мы пошли на пароходъ въ числѣ послѣднихъ и, когда мы подошли къ сходнямъ, то намъ объявили, что слишкомъ много ѣдущихъ и что мы должны дождаться слѣдующаго парохода. Я былъ глубоко возмущенъ этой наглостью и на первыхъ порахъ не зналъ что предпринять, когда кто-то сказалъ, что можно войти на пароходъ по сходнямъ III класса. Мы такъ и сдѣлали. Это была послѣдняя нѣмецкая гадость которую намъ пришлось испытать. Въ 6 часовъ мы снялись и около 11 часовъ вечера благополучно пристали къ Шведскому берегу. Здѣсь мы сѣли въ поѣздъ на Стокгольмъ и пріѣхали туда 28 іюля въ $1^1/_2$ ч. дня. Въ Стокгольмѣ мы пробыли только до 7 часовъ вечера и за это короткое время мы положительно были очарованы вѣжливостью и любезностью шведовъ, относившихся къ намъ съ большою предупредительностью.

Въ 7 ч. вечера часть нашей партіи поѣхала желѣзной дорогой до станціи Гефле, а оттуда моремъ (14 часовъ перехода) до Раума на Финляндскомъ берегу, 29 іюля мы вступили на русскій берегъ, а 30-го вечеромъ мы были уже въ Петроградѣ.

---

*) Недѣлю спустя, по пріѣздѣ въ Петроградъ вещи наши были доставлены на Финляндскій вокзалъ.

Читая объ истязаніяхъ, перенесенныхъ многими тысячами русскихъ, надо сознаться, что съ нами поступали еще сравнительно мягко. Люди, способные истязать, мучить и глумиться надъ больными, женщинами и дѣтьми не достойны быть причислены къ культурной націи. Жестокость и варварство, проявленныя нѣмцами, не могутъ найти себѣ оправданія ни въ чемъ,—онѣ могутъ быть объяснены лишь полной растерянностью, ужасомъ и животнымъ страхомъ передъ грядущимъ возмездіемъ. А Возмездіе это близко, я въ него вѣрю, какъ вѣрю въ Добро и Высшую Справедливость!

Графъ Канкринъ.

7-го Августа, 1914 года.

